

Глава 8

Двор семьи Гу был просторным, с двумя большими комнатами, стены которых были возведены из плотно утрамбованной желтой глины. Крышу покрывала настоящая черепица. По планировке усадьба почти не уступала дому Ли, разве что жилых помещений было на одно меньше, да и стены были не из синего кирпича, а боковые пристройки располагались лишь с одной стороны.

Впрочем, по деревенским меркам такое хозяйство считалось вполне зажиточным: всё-таки двор был обнесен стеной, а не плетнем, да и черепица на крыше — редкость, ведь кирпичные дома в этих краях и вовсе почитались за диковинку.

Когда-то, при разделе имущества между братьями, отец Гу поспешил на стройку, оставив часть двора пустующей «на вырост», чтобы в будущем было куда пристраивать новые комнаты.

Шестилетний Хэ-тоу вместе с ватагой ребятшек возился на пяточке перед домом. Дети глазастые: малец еще издали приметил старшего брата. Шмыгнув носом, он бросил игру и закричал:

— Глядите, никак мой гэгэ вернулся! — С этими словами он припустил к воротам, вопя на ходу:
— А-нян, а-нян! Брат пришел!

— Чего разорался? — Ли Гуйхуа, находившаяся уже на седьмом месяце беременности, тяжело переносила жару. Огромный живот мешал ходить, нрав её в последнее время стал совсем взрывным, а вид чумазого Хэ-тоу и вовсе вывел женщину из себя. — Где тебя опять черти носили? Весь в грязи, смотреть тошно...

— А-нян, это брат! Брат вернулся! — Хэ-тоу предусмотрительно отбежал подальше, зная, что мать может и ухо открутить.

Рука Ли Гуйхуа так и замерла в воздухе.

— А я-то думала, это Те-дань, — проворчала она.

Те-дань, её старший сын восьми лет от роду, с самого утра куда-то запропастился. Сказал, что пошел за водой, да так и сгинул — верно, заигрался где-нибудь с мальчишками.

— Вернулся — и ладно, еще один рот на мою шею, — продолжала ворчать женщина. — Отрезанный ломоть, чего приперся? Уж не выставили ли его Ли из дома за ненадобностью...

В её глазах Гу Чжао был никчемным дармоедом: ленив, неженка, только и умеет, что языком чесать да деньги проматывать. Она искренне считала Ли Чжоучжоу дураком. Ну и что, что Гу Чжао лицом вышел? Крестьянину жить надо, а этот книжник даже мешок с зерном не

поднимет. Ли Да выложил за него восемнадцать лянов серебра — помяните её слово, через пару дней локти кусать станет.

«Хоть бы и впрямь не вернули его назад, — промелькнуло в её голове. — Серебро-то я ни за что не отдам».

— А-нян, ты чего? — Хэ-тоу, не понимая, о чем бормочет мать, засунул палец в рот и жадно добавил: — Брат со своим гэ'эром пришли, и мясо несут! Я сам видел!

— Мясо? Гостинцы принесли? — Ли Гуйхуа легонько хлопнула сына по затылку. — Что ж ты сразу не сказал!

Она спохватилась: а не на третий ли день после свадьбы визит?

В это время ворота скрипнули, и на пороге показались Гу Чжао и Ли Чжоучжоу. Ли Гуйхуа первым делом вперила взгляд в руки юноши: два цзиня сочного мяса на пеньковой веревке, кувшин вина и туго набитая корзина. Глаза её хищно блеснули, и она, нацепив на лицо самую радушную улыбку, поспешила навстречу.

— Ой, неужто в гости пожаловали? А я-то всё ждала вас на третий день, все глаза проглядела, извелась вся от дурных мыслей! Ну, наконец-то дождалась, — запричитала она, ловко перехватывая мясо.

Ли Чжоучжоу вежливо ответил:

— Простите, на третий день дела задержали. Вчера в городе купили вина, сахара и мяса, а еще прихватили семечек, арахиса и сладостей. Ну и яиц домашних немного собрали.

По обычаю на третий день после свадьбы полагалось три вида даров. Но если сторона мужа была состоятельной, могли принести и больше мяса, и сахара подороже, выказывая тем самым уважение семье супруга. Гэ'эр переживал, что задержка может бросить тень на мужа, а потому постарался собрать дары побогаче. Семечки и яйца были своими, а леденцы им дали в придачу к дорогому сахару. Вышел весьма достойный подарок. К тому же он нарочно держал гостинцы на виду и перечислял их громко, чтобы все соседи знали, с каким почетом они пришли.

Стены во дворе были низкими, и едва завязался разговор, как любопытные соседи тут же облепили забор.

— Ученый Гу и Ли-гэ'эр в гости приехали?

— Гуйхуа, чего стоишь? Ставь чай, готовь обед для новой невестки — вишь, какие дары принесли!

Кто-то из кумушек хохотнул:

— Да какая невестка! Забыла, что ль? Это Ученый Гу теперь «замужняя» жена в чужом доме.

Раздался дружный смех. Чжоучжоу обеспокоенно глянул на мужа — не заденет ли его такая насмешка? Но Гу Чжао и не думал обижаться. Напротив, он крепко сжал ладонь супруга и с невозмутимой улыбкой произнес:

— Чжоучжоу, познакомься — это моя матушка. Теперь тебе следует звать её тещей.

Соседи, припавшие к забору, так и замерли.

Ли Гуйхуа, прижимавшая к себе мясо, поперхнулась воздухом.

Юноша понял, что муж снова затеял какую-то игру, но, привыкнув во всём полагаться на него — особенно перед чужими людьми, — послушно поклонился:

— Здравствуйте, почтенная тёща.

Улыбка мачехи стала совсем вымученной.

За забором кто-то прыснул со смеху. Женщина метнула яростный взгляд на сплетниц, хотела было обругать их, да слов не нашла. Проглотив обиду, она проворчала:

— Ладно, будет вам на дворе торчать. Проходите в дом, там поговорим.

Главный дом был длинным. Одну комнату занимали отец Гу и Ли Гуйхуа, а вторую шкаф делил пополам: в одной части спали Те-дань и Хэ-тоу, а в другой, у самого окна, раньше жил Гу Чжао. Поскольку в доме не было отдельной залы, гостей пригласили в комнату родителей.

— Хэ-тоу, беги к старшему дяде, скажи отцу, что брат с мужем вернулись. И если Те-даня встретишь, его тоже зови домой, — скомандовала мачеха, едва переступив порог.

Мальчишка с того самого момента, как они вошли, не сводил глаз с корзины, особенно когда услышал про сладости. Глотая слюнки, он захныкал:

— А-нян, я хочу сладостей!

— Какие еще сладости? Бегом за отцом! — Ли Гуйхуа любила припрятывать лакомые кусочки, решив оставить сахар на потом.

Но Хэ-тоу не сдавался.

— Не пойду! Хочу конфету!

Мать замахнулась, желая ухватить его за ухо, но малец вовремя увернулся и, отбежав подальше, заголосил на весь двор:

— Хочу сладостей! Дай конфету! Дай!

Крики были такими громкими, что Гу Чжао и Ли Чжоучжоу в комнате невольно переглянулись.

— На, подавись! Только беги скорее! — Чтобы не позориться перед гостями, женщина достала из корзины кусок леденца и сунула сыну в рот.

Тот, мгновенно просияв, сунул сладость за щеку вместе с оберткой из рисовой бумаги.

— И чтоб духу твоего тут не было! — прикрикнула мать.

Мальчишка припустил со двора. Мачеха, глядя ему вслед, беззлобно выругалась, но в душе была довольна: «Весь в меня, шустрый, своего не упустит. В своё время Гу Чжао, живя в старом доме, тоже умел угодить деду».

Она отнесла гостинцы на кухню. Мясо и яйца пристроила в прохладное место, а сахар спрятала в большую миску, решив, что, как только гости уйдут, закроет его в сундуке. Сахар стоил дорого, женщина сама себе его редко покупала, надеялась дотянуть до Нового года. Кусок, принесенный Чжоучжоу, был завидным — можно будет и к своим родителям с ним заглянуть, подарок выйдет достойный.

Прибрав добро, она поняла, что пора бы и обед готовить. Вода в кадке еще оставалась, но хозяйка не спешила браться за дело, сославшись на то, что Те-дань еще не вернулся с новой водой. В мыслях её зрел план: «Пусть Гу Чжао теперь и приемыш в чужой семье, но этот Чжоучжоу — всего лишь гэ'эр. Я для него — старшая, да еще и на сносях. Неужто я, с таким животом, буду им прислуживать?»

С этими мыслями она, демонстративно прижимая руки к пояснице, вернулась в комнату.

Гу Чжао тем временем показывал мужу свое прежнее жилище. Смотреть там было особо не на что: теперь здесь хозяйничали младшие братья, а в углу, где раньше стоял стол, громоздились мешки с зерном.

Ли Чжоучжоу, однако, смотрел не на мешки. Он искал глазами те самые печатные книги, о

которых говорил приказчик. Муж-то купил дешевые рукописные списки, а гэ'эр всё помнил, что столичные книги и для глаз лучше, и шрифт там четче.

— Что ж вы стоите? Садитесь, в ногах правды нет, — пропыхтела Ли Гуйхуа, входя в комнату.

Все трое вернулись в родительскую спальню. Мачеха грузно опустилась на кан, а Гу Чжао и Чжоучжоу сели на табуреты. Юноша, не забыв про книги, набрался смелости и спросил:

— Почтенная тёща, а младшие братья будут учиться?

Учёный Гу тут же понял, к чему клонит его супруг — всё-то он о муже печется. Но Ли Чжоучжоу был слишком прям, его намек даже слепой бы разглядел, не то что хитрая мачеха.

Ли Гуйхуа вскинула брови:

— Как же не учиться? Будут, конечно. Книги-то мы все прибрали, к весне Хэ-тоу отдадим нашему деревенскому учителю. Мальчик он способный, живой, толк из него выйдет. А насчет вещей... Когда Чжао-эр в ваш дом уходил, он ведь целый сундук с собой унес — и бумагу, и кисти, а ведь всё это на наши деньги куплено было. Я слова не сказала. Хоть он теперь и не учится, пусть пользуется на здоровье.

Чжоучжоу хотел было возразить — муж ведь продолжает учиться! Неужто мачеха задумала отобрать старые письменные принадлежности?

Но Гу Чжао едва заметно коснулся ладони мужа. Он знал: состязаться с этой женщиной в словоблудии юноше не под силу. Поняв намек, тот проглотил готовые сорваться слова.

Хозяйка, не заметив их безмолвного уговора, продолжала причитать:

— Хоть Чжао-эр мне и не родной, а я к нему всей душой льнула. Погляди сама: трое детей в доме, а грамоте только его и учили. Десять лет на это ушло! Одному учителю сколько серебра перетаскали, а под праздники — то мясо ему неси, то яйца... Про бумагу да тушь и говорить тошно. Кабы прок был от того учения...

Каждым словом она давала понять: мол, за такого ценного мужа Ли еще дешево отделались. Есть такие люди: Гу Чжао она никогда не любила, знала, что он — обуза для дома, но теперь, получив восемнадцать лянов, не только не была благодарна, но и пыталась выжать из семьи Ли еще хоть что-нибудь.

«Глядя на сегодняшние подношения, ясно — Ли Чжоучжоу простоват и мужем дорожит. На том и сыграем», — рассудила она.

Заметив, как помрачнел юноша, мачеха тут же сменила тон:

— Ой, да я ведь просто к слову, душа у меня нараспашку, зла ни на кого не держу. Пока Чжао-эр учился, я его к работе и близко не подпускала, пылинки с него сдувала.

Она снова схватилась за поясницу и страдальчески погладила живот:

— Пока вашу свадьбу справляли, совсем я извелась, полмесяца на ногах. Теперь вот стоит чуть постоять — и спина ломит, и ноги гудят. А в доме-то беспорядок, и стирка горой скопилась, руки не доходят...

Чжоучжоу был не глуп. Ребенком он не всегда понимал скрытый смысл слов, но жизнь его научила. Намек мачехи был ясен как день: она хотела, чтобы он приготовил обед, прибрался, а в идеале — еще и всё белье перестирал. Ему-то работа не в тягость, привык. И хотя в первый визит к родне мужа он должен быть гостем, Ли Гуйхуа ведь и впрямь тяжела на подъем...

Юноша уже готов был согласиться — нельзя же мужа голодным оставлять. Но Гу Чжао опередил его:

— Ох, матушка, как же вам нелегко пришлось! — С этими словами он ласково спросил: — А отец еще не вернулся?

Ли Гуйхуа, решив, что Чжоучжоу уже у неё в руках, довольно прикрыла глаза.

— Да у старшего брата он засиделся, я Хэ-тоу послала за ним.

В это время во дворе слышались голоса. Вернулись отец Гу и оба младших брата. Те-дань, тащивший ведро воды, первым делом юркнул на кухню. Опустошив ведро, он хотел было спросить про леденцы, но, увидев в комнате столько народу, не посмел и рта раскрыть.

— Где тебя черти носили всё утро? Не видишь — гости в доме? Поздоровайся! — Мачеха не любила старшего сына, считая его слишком угрюмым и медлительным.

Мальчишка, не смея и мечтать о сладости, тихо буркнул «здравствуй, брат», а как обратиться к Чжоучжоу — не знал.

— Зови его братом, — подсказал Гу Чжао.

Обычно гэ'эра, вошедшего в семью, называли невесткой, но ведь Учёный Гу сам ушел в дом Ли.

Те-дань уже открыл рот, но тут отец Гу, мрачный как грозовая туча, наградил сына таким

взглядом, что тот осекся. Тут Хэ-тоу звонко выкрикнул «сао-цзы», и лицо отца смягчилось. Те-дань, недолго думая, повторил за ним.

Ли Гуйхуа довольно погладила Хэ-тоу по голове: «Младший-то куда смышленее». Только что Чжоучжоу чуть не сел ей на шею, заставив признать себя тещей, но перед отцом всё вернулось на круги своя — признал-таки себя невесткой!

Отец Гу с самого момента возвращения и взгляда не удостоил Ли Чжоучжоу, напуская на себя важность. Пусть Гу Чжао теперь и «муж-зять» в чужом доме, но для него, отца, зять всё равно оставался невесткой, обязанной выказывать почтение свекру.

Чжоучжоу не стал спорить. Дети — они и есть дети.

— Здравствуйте, отец, — спокойно произнес он.

— Угу, — нехотя отозвался отец Гу.

Войдя в комнату и не обнаружив на столе даже чашки горячего чая, он совсем помрачнел и сорвался на жену:

— Время-то сколько? Ни чая не подано, ни обед не начат!

Ли Гуйхуа, прижимая руки к бокам и охая, выразительно посмотрела на Чжоучжоу. Тот уже готов был встать, но муж вдруг начал засучивать рукава.

С лучезарной улыбкой он произнес:

— Матушка, давайте-ка я вам помогу на кухне. Готовить я, правда, раньше не пробовал, только-только учиться начал, так что сноровки маловато. Чжоучжоу, а ты посиди с отцом, отдохни с дороги, поговорите. Как чай поспеет, я тебе принесу.

В комнате повисла гробовая тишина.

— Ты... это ты чего удумал? — Мачеха от изумления даже заикаться начала.

Гу Чжао ответил так естественно, будто говорил о само собой разумеющемся:

— Матушка, я ведь теперь замужем за Чжоучжоу, я — его домочадец. Стирать, готовить да по хозяйству хлопотать — это теперь моя прямая обязанность. Раньше-то я этому не учился, так вот сегодня случай удобный выпал: вы меня и научите — как огонь развести, как обед сварить. А если не присмотрите за мной, боюсь, как бы я всю кухню не спалил случайно.

— Вздор! — Отец Гу, побагровев от ярости, с силой грохнул кулаком по кану.

Сын и бровью не повел. Всё с той же мягкой улыбкой он принялся рассуждать:

— Отец, когда Чжоучжоу пришел за мной, всё было по правилам: и сваха, и подарки, и серебро — всё честь по чести. Я ведь сам на ослике за ним уехал. Как говорится, «вышедшая замуж дочь — что выплеснутая вода». Вот и я теперь — выплеснутый в дом Ли сын. Живой я принадлежу Чжоучжоу, и после смерти в его родовой могиле лежать буду.

Он бил их же оружием. Ли Чжоучжоу от неожиданности лишь рот приоткрыл, не зная, что и сказать.

Отец Гу на кану так и задыхался от гнева. Казалось, он вот-вот лишится чувств, но крепкое здоровье не позволяло ему так просто избавиться себя от позора.

А Гу Чжао, словно не замечая этого, нанес последний удар:

— Отец, ежели мы вам не милы, так мы с Чжоучжоу прямо сейчас и уйдем. Только вот соседи-то все видели, как мы пришли. Полдень еще не прошел, обедом нас не накормили... Представляю, что в деревне болтать станут.

Для главы семьи «лицо» было дороже жизни. Из-за того, что Гу Чжао ушел в приемыши, за его спиной и так шептались, называя торговцем собственным сыном. Ему стоило немалых трудов заткнуть сплетников, а если он выставит сына за дверь сегодня — и представить страшно, что наплетут кумушки. Мол, позарился на серебро Ли, а сыну даже миски каши пожалел.

Даже Ли Гуйхуа, мастерски умевшая закатывать истерики, сейчас притихла. Против слов Гу Чжао не попрешь — закон на его стороне. Стоит ей сейчас поднять крик, как завтра об этом будет судачить вся деревня. Даже к замужней дочери, вернувшейся в родительский дом, не смеют приставать с работой — она ведь теперь гостья, родственница из другого дома.

Отец Гу, пытаясь совладать с яростью, сорвался на жену:

— Что встала как вкопанная? Иди готовь!

— Матушка ведь сама говорила, что занемогла от тягот. Негоже её утруждать, — елеинным голосом отозвался Учёный Гу. — Уж лучше я сам... Только вот не знаю, как и подступиться. Если разобью чего или испорчу — не со зла ведь, пускай матушка на меня не гневается.

Ли Гуйхуа чуть не взвыла. Испортит? А ну как рис переведет или котел прожжет? Разобьет? Чашку или, упаси небо, таз? Одной мысли об этом хватило, чтобы у неё сердце защемило от жадности. Пускать Гу Чжао на кухню было нельзя — он же всё в прах обратит! Но стоило ей заикнуться о готовке, как он тут же принимался заботливо причитать о её здоровье и снова

рвался к плите.

О том, чтобы заставить работать Ли Чжоучжоу, никто уже и не заикался.

В конце концов Ли Гуйхуа, скрепя сердце, пошла на поклон к жене старшего дяди. В той семье были и дочери на выданье, и свекровь за порядком следила, так что отпустить хозяйку на подмогу могли. Старая госпожа Гу, услышав причину просьбы, не стала ругать Гу Чжао или Чжоучжоу — раз сын ушел из дома, он теперь гость и родственник. Она лишь отчитала невестку за лень: мол, совсем изнежилась, обед сварить не может, сына своего единственного голодом морит.

Жена старшего дяди, привыкшая к строгости свекрови и чтившая приличия, пришла на кухню. Увидев мясо, она рассудила просто:

— Сделаем так: сварим рис, потушим капусту с мясом, да еще мясо с кислой капустой обжарим. Есть еще что?

Хозяйка чуть в обморок не упала — два мясных блюда сразу! Она-то надеялась отделаться пустой лапшой с соленьями, а мясо припрятать для своих.

Мачеха промолчала, и Дабо-нян по-хозяйски приготовила два мясных и два овощных блюда. Отец Гу, дороживший репутацией, не мог отпустить сноху с пустыми руками и велел отдать ей часть мясного угощения — мол, в почтение старшему брату и матушке.

За обедом весело было только Гу Чжао. Ли Гуйхуа сидела как на иголках, ругая детей, а метила в незваных гостей. Хэ-тоу с Те-данем боялись лишний раз потянуться к мясу — мать так и сверлила их взглядом, будто они последние куски из дома выносят.

Гу Чжао всё прекрасно понимал. Глядя на то, как мачеха пытается язвить, он с самым невинным видом положил в чашу Чжоучжоу добрый кусок мяса.

— Чжоучжоу, ешь на здоровье, — просиял он. — У тётушки золотые руки, мясо вышло просто отменное!

<http://bllate.org/book/15349/1413499>